

сборник рассказов

Цена выбора

*Правда
наизусть*

Книга 4

Павел Крапчилов

Цена выбора. Сборники фантастических рассказов

Павел Крапчи́тов

**Цена выбора. Право
на жизнь. Книга 4**

«Автор»

2026

Крапчитов П. А.

Цена выбора. Право на жизнь. Книга 4 / П. А. Крапчитов — «Автор», 2026 — (Цена выбора. Сборники фантастических рассказов)

«Цена выбора. Право на жизнь» — четвертый сборник рассказов в жанре психологической фантастики и социальной драмы. Книга исследует механизмы выживания личности в системах, которые требуют унификации, подчинения и отказа от индивидуальности. Герои сборника — банковский клерк, получающий доступ к чужому будущему; учёный, рискнувший карьерой ради пяти пальцев на руке; экстремал, выживший на грани смерти и принявший чужую веру; смертник, чье сознание перенесено в тело алкоголика на параллельной планете; студент, заключивший сделку с внутренним демоном. Каждый из них сталкивается с жестким выбором: сломаться или трансформироваться. Каждый платит — здоровьем, идентичностью, душевным покоем. Никакого хэппи-энда по умолчанию, только цена, которую они готовы заплатить. Рекомендуется читателям фантастики с философским подтекстом и социально-психологической прозы.

© Крапчитов П. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Раздел 1. Пределы возможностей	6
Вкус перемен	7
Пять причин лежать в постели и не вставать	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Павел Крапчитов

Цена выбора. Право на жизнь. Книга 4

Предисловие

Есть миры, где правила пишутся кровью. Где прогресс требует жертв, а люди становятся расходным материалом. Я не придумывал эти миры — я разглядел их в корпоративных регламентах, в моде на «быть как все», в равнодушии толпы на пешеходном переходе.

Герои этих историй — не супергерои. Они просто оказались на краю. И каждый из них делает выбор: сломаться или стать кем-то другим. Чаще всего — через боль.

Это не фантастика о спасении мира. Это хроники сопротивления. О том, как далеко может зайти человек, когда у него отнимают всё. Я не знаю, чья сторона победит. Я просто записал эти истории.

Читайте. Или не читайте. Но знать, какова цена выбора, вы будете.

Раздел 1. Пределы возможностей

Что, если бы вы могли видеть будущее? Или слышать чужие мысли? Подарок? Проклятие?

А если это одно и то же?

Здесь каждое «чудо» требует платы. И расплачиваются не способностями — собой.

Вкус перемен

Сцена 1

Вальтер Беккер смотрел на свое отражение в зеркале. «Семьдесят один, семьдесят два, семьдесят три...». Была у него такая привычка: ожидая некое событие, считать про себя. Причем он мог размышлять на совершенно посторонние темы или беседовать с другим человеком, а счет шел сам собой. «Семьдесят четыре, семьдесят пять, семьдесят шесть...». Сейчас он ждал курьера, а тот опаздывал. Обычно курьер доставлял ему «Еду № 3», когда счет доходил до шестидесяти, но сегодня что-то, очевидно, пошло не так.

Оставалось только ждать и рассматривать свое отражение. Бледное лицо, короткая стрижка, мешки под глазами... А еще в зеркале, словно в чудесном экране, отражалась вся его жизнь. Ему 37 лет, разведен, а на работе, в банке, застрял на низшей должности клерка, который принимает анкеты от желающих получить кредит. У него мечта — перейти на работу в отдел аналитики, где исследуют анкеты клиентов и рассчитывают их кредитоспособность. Вальтер два раза сдавал экзамен банковской комиссии, чтобы стать аналитиком, но оба раза проваливался. С дочерью не видится. Элен, бывшая жена, под разными предлогами отказывает ему в этом. Но однажды, когда бывшая была чем-то расстроена, она проговорила. «Неудачник — это заразно, — сказала Элен. — Не хочу, чтобы это передалось дочери».

«Семьдесят семь, семьдесят восемь, семьдесят девять...». «Еда № 3» являлась простеньким препаратом. Более высокий уровень ему было просто не потянуть. Но даже такая низкоуровневая еда за те семь месяцев, которые он ее принимал, подорожала на пять процентов, а вот его зарплата в банке осталась прежней.

Про номерную еду Вальтер Беккер услышал примерно год назад. Пару месяцев ушло, чтобы решиться, все просчитать. Получалось, что он все же сможет принимать Еду в течение года, как требовалось в инструкции по применению. Производитель обещал, что Еда способствует созданию новых нейронных связей. Это, в свою очередь, должно было привести к повышенной эффективности на работе. Однако прошло семь месяцев, а никаких изменений в себе Вальтер не замечал.

«Восемьдесят, восемьдесят один, восемьдесят два...». Стоило бы плюнуть, прекратить ждать курьера. Так можно и на работу опоздать! Но он не мог отказаться от своей мечты. До окончания срока приема «Еды № 3» осталось пять месяцев. Меньше, чем прошло. И пусть цена пакетика серого порошка, который надо было развести в воде, выросла, Вальтер хотел довести все до конца. Выпьет последний раствор «Еды № 3» в положенный срок и вновь запишется на сдачу банковского экзамена на аналитика. И сдаст его! Он не мог его не сдать! Когда Беккер досчитал до восьмидесяти семи и уже собирался отправиться на работу, махнув на прием Еды, раздался звонок. Вальтер подошел к домофону. На экране он увидел лицо запыхавшегося курьера в дождевике.

«На улице дождь как из ведра, — подумал Беккер. — Наверное, поэтому курьер и опоздал».

Он прекратил считать. Запомнил цифру 87 на будущее и нажал кнопку, открыв курьеру доступ в подъезд. Если делать все быстро, то он успеет и «Еду» принять, и не опоздать на работу. А его мечта в конце концов исполнится.

Сцена 2

Курьер Алекс опоздал не из-за дождя. Получение ордера на доставку номерной еды совпало со сменой диспетчера. Ночной диспетчер, угрюмый дядька под пятьдесят, ушел, а пришла Эльза. Ее нельзя было назвать красоткой, но Алекс давно втрескался в нее по уши. И несмотря на то, что ордер на доставку он уже получил от ушедшего отсыпаться ночного диспетчера, он задержался, чтобы переброситься парой слов с понравившейся ему девушкой.

Только зря это все. Алекс работал курьером и в ближайшем будущем должен был им остаться. Ему нравилась эта работа, особенно то, что платили за каждый отработанный день. Эльза в службе доставки номерной еды лишь подрабатывала ради денег на карманные расходы. Учебу в юридическом колледже оплачивали родители, а на остальное ей приходилось зарабатывать самой. Но рано или поздно это закончится. Она станет высокооплачиваемым юристом в известной адвокатской конторе, и память об интрижке с каким-то курьером ей будет не нужна. Так что Алекс безрезультатно покрутился перед Эльзой, заработал пару снисходительных взглядов — и все. Впрочем, не все. Результат имелся. Он потерял время. И теперь, чтобы успеть доставить номерную еду клиенту в срок, пришлось поднажать на педали своего велосипеда, а еще дождь бил в лицо. Но, несмотря на все его усилия, опередить время не удалось. Он опоздал. Второпях передал клиенту заказ, попытался подсунуть рабочий планшет, чтобы клиент кликнул на иконку подтверждения чаевых, но тот только злобно глянул на него.

«Вот облом! — подумал Алекс. — Чтобы ты всю жизнь проработал ночным диспетчером!»

Такое ругательство он использовал всегда, когда клиент не оставлял чаевых. Муторная работа с бумажками в душном помещении ночью, когда все хорошие люди спят, казалась ему самым отвратительным в мире занятием.

Сцена 3

Пальцы машинально перелистывали страницы анкеты, а губы произносили заученные до автоматизма фразы. Вальтер объяснял молодому человеку, как заполнить графы для получения кредита. Улыбка — дежурная, выверенная годами работы — застыла на лице. А еще этот счет... Даже общаясь с клиентом, даже произнося нужные слова, он продолжал считать. Что поделывать? Привычка — вторая натура.

Но вот счет затянулся на несколько цифр, и что-то заставило Вальтера по-новому взглянуть на молодого человека, который хотел получить кредит на покупку нового автомобиля. Беккер был уверен, что в аналитическом отделе этот кредит почти автоматически утвердят и через пару дней клиент будет разъезжать на новой машине. Только вот счет... Обычно при заполнении анкеты клиентом Беккер доходил до трехсот, иногда до четырехсот. Но чтобы клиент просидел перед ним до четырехсот пятидесяти?! Такого еще не случалось.

Раньше это бы так и осталось для Вальтера загадкой, но сейчас в его голове что-то щелкнуло. Он понял... нет, он знал, что этот молодой парень не собирается разъезжать на новой тачке, а только доехать до стоянки за городом, где скупают по дешевке поддержанные авто. Подъехать и продать купленный за кредитные деньги автомобиль. А потом раствориться на просторах их необъятной страны. Но почему? И тут же пришел ответ. Парень — игроман. Он проиграл существенную сумму не самым почтенным гражданам. И эти деньги ему лучше вернуть. Какая-то сумма у него была в запасе, а остальное игрок рассчитывал получить от продажи купленного в кредит автомобиля. И, конечно же, возвращать кредит банку он не собирался.

Лоб Вальтера покрылся испариной. Он не понимал, что с ним происходит. Откуда все эти догадки?

— Я заполнил, господин Беккер, — парень, который хотел обмануть банк, протянул анкету и широко улыбнулся.

— Спасибо, — сказал тот.

Улыбка у парня была обаятельной, но она не обманула Вальтера. Он знал, что все будет так, как только что пришло ему в голову.

В течение дня такое озарение случилось с Вальтером еще раз, когда анкету заполняла молодая женщина. Ее можно было бы назвать привлекательной, если бы не излишки грима на лице и брезгливая улыбка, с которой она вчитывалась в графы анкеты.

И снова этот счет. Сейчас он не превысил трехсот, но Беккер откуда-то знал, что для дамочки, сидящей перед ним, и это много. Как и с обаятельным парнем, с ней было что-то не так.

— Ох! — вырвалось у Вальтера.

— Что случилось? — поинтересовалась посетительница, но было видно, что ей плевать.

— Забыл позвонить маме, — соврал Беккер.

— Угу, — кивнула потенциальная клиентка. Верить словам Вальтера или не верить она не собиралась. Ей было все равно.

А охнул Беккер не просто так. Он ощутил резкую боль в колене, а за ней последовала череда образов. Дело в том, что хотя в анкете и была указана профессия этой женщины — танцовщица, — Вальтер знал: танцует она в основном вокруг шеста, а разгоряченные выпивкой мужчины суют ей в трусики купюры. Дела у этой женщины будут идти хорошо до тех пор, пока она не вывихнет ногу в колене. Потом воспаление, долгое лечение и инвалидность. Задержки взносов по ипотечному кредиту, и у банка мертвым грузом повиснет на балансе еще одна квартира, которую придется продать с большим дисконтом.

Вальтер уже не спрашивал себя, откуда он все это знает. Ответ напрашивался сам собой. Начала действовать «Еда № 3». Он схватил две анкеты возможных проблемных клиентов: обаятельного парня и стриптизерши.

— Мне надо к Тому, — сказал он своему напарнику Фреду, такому же неудачнику, как он сам. Тот с готовностью кивнул. Братство неудачников обязывало.

Том был начальником отдела анализа кредитоспособности. Он входил в банковскую комиссию по оценке потенциала сотрудников. Когда Вальтер Беккер пытался сдать экзамен этой комиссии, чтобы получить повышение, именно Том приложил усилия, чтобы его завалить.

«Посмотрим, что ты сейчас скажешь», — усмехнулся Вальтер. Он был уверен, что с появившимися способностями Том с радостью примет его в свой отдел.

Сцена 4

Дождь барабанил по капюшону, когда Алекс остановился перед внушительным особняком. Его сердце бешено колотилось. Минуту назад он понял, что допустил ошибку. Ту самую, которая могла стоить ему работы.

«Еда № 72 вместо Еды № 3...» — эта мысль сверлила мозг, не давая покоя. В спешке, торопясь исправить предыдущую оплошность — опоздание, он перепутал заказы. И теперь стоял перед дверью, за которой находился клиент, которому предстояло вручить совсем не то, что он заказывал.

«Блин! — возмущался про себя Алекс, вспоминая предыдущего клиента. — Но он же должен был увидеть, что это не его Еда! Он должен был перезвонить! Он должен был...»

«А если он тоже торопился? — пришла следующая мысль. — А если он не посмотрел на этикетку?»

Что-то надо было делать! Одно дело передать «Еду № 72» вместо «Еды № 3», и совсем другое — всучить жителям этого особняка еду с одним из самых низких уровней. А они-то ждут 72-ю. Это точно увольнение! И тогда он больше не увидится с Эльзой.

«Блин блинский! — снова воскликнул про себя Алекс, достал пакетик с номерной едой и аккуратно отодрал наклейку „Еда № 3“. — В случае чего скажу, что так и было».

Он успел. Открылась тяжелая дверь, и на пороге возник дворецкий — седой, с прямой, как палка, спиной, с выражением превосходства на лице.

«Вот он, момент истины», — подумал Алекс, сжимая в руках упаковку «Еды № 3» вместо «Еды № 72».

— Давай, — голос дворецкого звучал холодно и отстраненно.

Алекс протянул пакет, чувствуя, как пот стекает по спине. Секунды казались вечностью. Мужчина взял заказ, не заметив отсутствие этикетки.

Курьер протянул рабочий планшет в попытке получить чаевые, но дворецкий захлопнул дверь перед его носом.

«Чтоб тебя отсюда выгнали! — пробормотал про себя Алекс. — И чтобы ты стал ночным диспетчером».

Сцена 5

Из аналитического отдела Вальтер Беккер вышел бледным, а в голове пульсировала запоздалая мысль: «не надо было этого делать».

Он застал Тома в опен-спейсе, где располагались аналитики, и рассказал о своих соображениях по поводу этих двух, на его взгляд, потенциальных неплательщиков кредита. Реакция начальника аналитического отдела оказалась неожиданно бурной.

— Ты что о себе возомнил? — начал отчитывать Вальтера Том. — То, что ты пять лет перебираешь бумажки и два раза провалился на экзамене, не делает тебя ясновидцем.

Говорил начальник аналитического отдела громким голосом. Несколько голов высунулись из-за перегородок опен-спейса, но тут же исчезли.

— Эй, Гарри! — Том кликнул одного из своих подчиненных. — Посмотри на эти анкеты. Скажи, что ты видишь?

К Тому подбежал молодой человек в строгом костюме, схватил анкеты, с которыми Беккер пришел в аналитический отдел, быстро пробежал их глазами.

— Клиенты как клиенты, — сказал аналитик. — Что вы хотите узнать, шеф?

— Стоит нам им отказать?

— На первый взгляд нет, — быстро ответил Гарри.

— Вот! — Том поднял указательный палец вверх, уже обращаясь к Вальтеру. — Чтобы ты знал: таких клиентов у нас большинство. Если мы всем будем отказывать, прибыль банка резко упадет. Вы этого хотите, мистер Беккер? Ответьте мне!

— Нет, — произнес Вальтер. — Я не хочу, чтобы у банка упала прибыль, поэтому...

— Вот и занимайся своей работой, — оборвал его Том. — И не отвлекай занятых людей. Начальник аналитического отдела сунул в руки Вальтера изрядно смятые анкеты клиентов.

До обеда Беккер просидел, принимая клиентов. Экономика росла, ставки банков были низкими, люди стремились этим воспользоваться и шли в банки за кредитами. Вальтер только успевал раздавать анкеты и делать их первичную проверку: все ли графы заполнены. В один момент в отделе образовалось затишье, и ему в голову пришла странная мысль: почему Том так резко отреагировал на предложение повнимательнее присмотреться к двум, на его взгляд, подозрительным клиентам. Эта мысль кардинально отличалась от предыдущей — «зачем я только сунулся к этому зазнайке».

«Он испугался, — подумал Вальтер. — Если я окажусь прав, если с этими клиентами произойдет то, что я думаю, их отдел можно распускать. И уже сам Том займется скучной работой — приемом анкет, потому что все его знания окажутся не нужны».

От этих мыслей настроение у Вальтера улучшилось. Но он не знал, что и Том продолжал думать о его приходе к аналитикам.

Сцена 6

Небоскреб корпорации «Сигма» возвышался над деловым центром, словно стальной гигант, охраняющий свои тайны. Несколько этажей занимала штаб-квартира, а по окраинам страны раскинулись заводы — там и земля была дешевле, и безопасность проще обеспечить.

«Сигма» являлась одной из компаний, что выпускали номерную еду. Этот продукт становился все популярнее. Многие компании хотели поживиться на этом поприще. «Сигме» приходилось расталкивать конкурентов локтями, а вернее, запускать в производство все более продвинутые версии Еды. Последней разработкой была «Еда № 72». Кроме повышенной

эффективности и более широкого воздействия на организм человека, устройство «Еды № 72» позволяло мониторить состояние клиента, эту еду принявшего. Именно так — «устройство Еды». Еда являлась не просто неким химическим порошком. Это был набор активных наночастиц, которые, попав в организм человека, сначала адаптировались к нему, а потом начинали этот организм перестраивать. Переделка не касалась внешнего облика, но серьезно улучшала внутренние показатели: от психики до физической мощи.

Мониторинг состояния человека, который принял «Еду № 72», был первой ступенькой к тому, чтобы активно участвовать в перестройке организма и не пускать изменения на самотек. Но сегодня мониторинг дал неожиданный результат.

В скромном кабинете ведущего специалиста по внешнему контролю раздался звук открывающейся двери.

— Ты меня искал, Сэм? — в скромный кабинет ведущего специалиста отдела внешнего контроля зашел как с иголочки одетый молодой человек. Костюм-тройка, брендовый галстук, лакированные туфли. Прическа молодого человека была под стать одежде: короткие волосы зачесаны назад, волосок к волоску. Легкомысленный повеса? Этот образ разрушали серые глаза, которые внимательно и серьезно смотрели на Сэма. Звали молодого человека Фрэнк Кавендиш. Он был большой шишкой в корпорации «Сигма», а еще по совместительству одним из сыновей владельца контрольного пакета акций корпорации.

— Ты меня искал, Сэм? — его голос звучал спокойно, почти небрежно.

Сэм, в старых джинсах и белом халате, нервно сглотнул:

— У нас ЧП, господин старший вице-президент. Тройка, то есть клиент № 3, принял Еду клиента № 72.

— И? — единственное слово Кавендиша говорило больше, чем любые расспросы. Он сразу перешел к сути. С остальными вопросами можно было подождать. Требовалось разобраться с тем, что происходит сейчас. Надо ли вмешиваться? Что нужно срочно исправить?

— Внешне ничего не произошло, — поторопился объяснить Сэм, а потом замялся. — Я тут... в общем, я не стал ждать вас и направил за Тройкой наблюдение.

— Молодец, — отреагировал молодой Кавендиш. — А что с семьдесят вторым?

— А! — отмахнулся Сэм. — Скорее всего, проспит весь день.

Наночастицы в «Еде № 72», не получив нужного питания, замедляли свою активность, а клиент ощущал это как сонливость.

— Хорошо, — кивнул Фрэнк. — Пусть все так и будет. Если...

Кавендиш посмотрел на Сэма, и тот все понял. Под «если» подразумевалось вполне ожидаемое событие. «Еду № 72» нельзя было принимать неподготовленному клиенту. Наночастицы этой номерной еды уже наверняка рьяно взялись за организм Тройки, и к концу дня результат мог бы быть летальным.

— Да, да, — Сэм невежливо перебил большого босса. — Наружка получила соответствующие указания. Они разберутся.

Фрэнк не обиделся на грубость. Дело важнее формальностей. Хлопнув Сэма по плечу, он вышел, оставив ведущего специалиста наедине с тревожными мыслями о том, что произойдет к концу дня.

Сцена 7

На обед Вальтер Беккер ходил не в офисную столовую, а на улицу, к фургончику с кебабом. Калории они и в Африке калории, но зато картинка перед глазами была другая: без офисной публики, без напоминаний о своем положении в банковской иерархии.

Вот и сейчас Вальтер шел на обед. Он заметил Тома, который стоял у выхода из их опенспейса. Прежде чем Беккер успел обдумать эту ситуацию, в его голове начался отсчет, словно предстояло какое-то событие, которое его мозгу требовалось обратить в цифры.

Увидев Вальтера, Том двинулся ему навстречу. В руках он держал большой картонный стаканчик с кофе. Их еще закрывают пластиковой крышечкой с маленькой дырочкой, через которую удобно глотать кофе, не опасаясь, что напиток попадет на одежду. Но у стаканчика с кофе, который держал в руках Том, крышки не было.

«Почему так?» — подумал Беккер. Он не успел найти на этот вопрос ответа, как события резко ускорились. Но его тело среагировало как надо.

Подходя к Вальтеру, Том деланно споткнулся, и вся масса кофе выплеснулась в сторону бедного клерка, который осмелился побеспокоить важного начальника аналитического отдела. Эта волна бледно-коричневой жидкости наверняка бы обдала Вальтера с ног до головы, а его костюм был бы испорчен. Том же скорчил бы извинительную мину, сказал бы пару вежливых слов — мол, прости, не нарочно — и пошел бы дальше, усмехаясь про себя.

Но тело Беккера перехитрило агрессора. Оно скользнуло в сторону, на безопасное расстояние от выплеснутого кофе, и у его хозяина еще осталось время понаблюдать, куда попадет «снаряд», предназначавшийся ему. Но оказалось, что за Вальтером шла девушка.

Это была непростая девушка: светлые волосы, приятное лицо, стройная фигура, лет двадцать — двадцать два. «Не для меня», — говорил себе Беккер, когда ему на глаза попадались такие девушки. Его 37 лет, нагрузка в виде неудачного брака и дочери делали бесперспективными какие-либо знакомства с подобными красотками. Девушку звали Марта. Она работала секретарем председателя правления их банка. Потому, как учтиво с ней обращался сам руководитель банка, было понятно: кто-то из его высоких друзей попросил выполнить каприз дочери и принять ее на временную работу.

И вот в эту девушку несся поток кофе из стакана Тома. Для Вальтера время сгустилось так, что его можно было резать. Он видел, как скривилось в ужасной гримасе лицо Тома. Очевидно, он думал, что ему предстоит пережить, когда председатель правления узнает, кого он облил кофе.

Казалось, ничто не может изменить произошедшее, но Вальтер двинулся вперед. Взвыли от боли мышцы и связки, но он успел обнять Марту за талию и притянуть к себе. Поток кофе пролетел мимо них и раскрасил в коричневые тона серую стенку ближайшего отсека опенспейса. Только несколько капель попали на ноги девушки.

— Извините, — сказал Вальтер, убирая руки с талии Марты.

— Не за что, — улыбнулась девушка. — Вы только что спасли мое любимое платье... Ну и этого растяпу. — Она с насмешкой посмотрела на Тома.

Вальтер улыбнулся в ответ и продолжил свой путь. Он без происшествий добрался до вагончика с кебабом. Это, наверное, был самый вкусный его перекус за последние пять лет.

Сцена 8

Остаток дня прошел без происшествий. Да и что может случиться, когда сидишь за столом, а перед тобой разные люди заполняют бумажки с вопросами? Эти люди доброжелательны и заглядывают тебе в глаза. Ведь они пришли за деньгами, а ты — единственный человек, с которым они могут поговорить о кредите. Люди хотят получить точные уверения, что деньги будут, причем под маленький процент и на долгий срок.

Но Вальтер на все их вопросы мог дать только один ответ: «Заполните, пожалуйста, анкету. Срок рассмотрения — три дня. Вам в любом случае придет уведомление». Его слова мало кого устраивали, но другого ответа у Беккера не было.

И еще Вальтер заметил, что счет, который сопровождал его с утра до того момента, когда он погружался в сон, как-то приутих. Еще вчера счет отсчитывал цифры на самом переднем крае, а теперь ушел куда-то вглубь сцены. Но не исчез, а по-прежнему сопровождал все действия хозяина.

Чем хороша была работа в отделе первичного взаимодействия с клиентами, так это тем, что не приходилось оставаться работать сверхурочно. Это аналитики были загружены работой

и могли бы вообще не уходить домой. В том отделе, где работал Вальтер, деятельность затихала сама собой. Для желающих получить кредит отводилось конкретное время: с 10.00 до 17.00. После 17.00 их никто бы просто не пустил в офис. С пяти до шести оставалось достаточно времени, чтобы оформить реестр принятых анкет и передать все документы в аналитический отдел. А еще можно было злорадно улыбнуться. Сотрудники аналитического отдела регулярно задерживались, а вот Вальтер ровно в шесть вставал со своего кресла за офисным столом и шел прочь. Впрочем, это его не особо радовало. Торопиться ему было некуда.

Выйдя из офиса, Беккер заметил группу сотрудников банка. Была пятница, и наиболее вероятно, что эта компашка собиралась в какой-нибудь ближайший бар. И хотя компашка стояла как раз в направлении остановки его автобуса, Вальтер повернул в противоположную сторону. Но он не успел сделать и пару шагов, как его окликнули.

— Эй, господин спасатель! — от группы банковских сотрудников отделилась Марта и замахала ему рукой. — Пойдем с нами в «Черное и Белое». Там сегодня отличная программа.

— Я... — Вальтер многое хотел сказать. Что он давно не был в компаниях. Что он не очень верит в искренность этой молодой девушки. Что ему одному в квартире будет плохо, но все равно это будет лучше, чем если над ним начнут пошучивать в баре. — Я...

Но Марта его опередила.

— А если опять кто-то организует на меня покушение со стаканчиком кофе? — шутливо сказала она. — Кто меня будет спасать?

Девушка рассмеялась, и Вальтер... неожиданно рассмеялся ей в ответ.

— Беккер, — он протянул девушке руку. — Вальтер Беккер.

— Марта, — сказала девушка и протянула руку в ответ.

Кожа ее ладони оказалась такой нежной, а прикосновение к ней таким приятным, что у Вальтера сильнее забило сердце.

Они двинулись к ожидавшим их сотрудникам банка, а в голове Вальтера начался отсчет. Явный признак того, что впереди ожидало событие и, возможно, не одно.

Сцена 9

Бар «Черное и Белое» оправдывал свое название. На сцене играл смешанный бэнд. Гитарой, контрабасом и ударниками заправляли черные мускулистые парни, а за клавишными сидел белый субтильный паренек с длинными волосами и в очках а-ля Леннон. Играли ребята неплохо.

«Блюз, кажется, это так называется, — подумал Вальтер Беккер, и почти сразу пришло сожаление. — Почему я так долго не был в таких местах?»

«Мог бы и не спрашивать, — продолжил он внутренний диалог. — Тебе просто не с кем сюда ходить».

Марта почти сразу оставила его одного, но Вальтер только облегченно вздохнул. Флиртовать он давно разучился, да и не было в этом никакого смысла. Что могло привлечь эту симпатичную девушку в почти сорокалетнем неудачнике? Кроме того, Беккер заметил, что вокруг Марты увивался Том.

«Извиняется, наверное», — подумал Вальтер.

Столик, за которым он спрятался ото всех, стоял в глубине бара. Что Том говорит Марте, он при всем желании слышать не мог, но выражение лица девушки было явно недовольным.

«Или мне просто хочется, чтобы это так было?» — подумал Беккер.

Бэнд заиграл новую мелодию, что-то из Чака Берри. Вальтер увидел, как Марта несколько раз недовольно мотнула головой на слова, которые говорил ей Том. Потом она развернулась и пошла...

«О! Она идет в моем направлении!» — удивился Беккер.

Оказывается, он спрятался недостаточно хорошо.

— Пойдем, потанцуем, — решительно сказала Марта, когда подошла к его столику.

Отказывать было невежливо, и они начали пробираться сквозь людей, набившихся в бар, поближе к небольшой сцене, на которой играли музыканты.

Но «Чак Берри» неожиданно смолк, а взамен гитарист слегка кашлянул в микрофон и, указывая на Тома, сказал:

— Этот джентльмен попросил сыграть для своего друга Вальтера танго — мелодию настоящей, ничем не замутненной любви.

Это была подстава. Вальтер еще мог подергаться под Чака Берри на танцполе, но танго... Даже в лучшие годы он не мог бы исполнить этот танец.

Но тут его внутренний отсчет выдал первую цифру «один», потом «два»... На душе стало спокойно и хорошо.

Марта поняла эту паузу по-своему. Она было собралась уйти с танцпола, но Вальтер задержал ее.

— Подожди, — сказал он. — Сеньорита, не соблаговолите ли вы подарить мне один страстный танец под названием танго?[1]

— *Sí, señor*, — поддержала игру Марта, а потом слегка охнула. Это Вальтер обнял ее за талию и притянул к себе.

Потом он дождался нужного такта и повел танец. Остальные посетители бара расступились, давая место танцующим. Кто-то даже захлопал.

Ты можешь петь песню,
Или мчаться под парусом,
Но любовь — это танец,
Который танцуют вдвоем.

Вальтер двигался в ритме мелодии, которую наяривали черно-белые музыканты, и шептал в лицо партнерши слова незнакомой песни. А еще он старался не думать, откуда он все это знает: и движения танца, и слова песни.

Ты можешь рисовать картину,
Или играть на гитаре,
Но любовь — это танец,
Который танцуют вдвоем.

Танец у них получался. Девушка то ли хорошо чувствовала движения партнера, то ли просто умела танцевать танго. Или первое и второе одновременно. Но Марта явно не ожидала, что танго может танцевать сам Вальтер. Ее рот был немного приоткрыт, словно она хотела сказать удивленное «О!», глаза смотрели в глаза партнера по танцу, а щеки покраснелись.

Беккеру хотелось, чтобы этот танец не прекращался. Но, как видно, Том на свою подставу потратился немного. Наверное, поэтому гитарист скоро сделал заключительный аккорд, а барабанщик выдал оглушительную и беспорядочную дробь. Танец закончился. Вокруг все дружно захлопали. По этикету надо было бы отвести Марту на свое место, но, вот беда, Вальтер не знал, за каким столиком сидела девушка.

— Спасибо, — сказал он и заслужил улыбку Марты.

Они подошли к барной стойке.

— Закажи мне шипучку, — попросила девушка.

Вальтер хотел было исполнить просьбу, но сзади его хлопнули по плечу.

— Как насчет мужского поединка?

Это был голос Тома. Его обладатель явно был слегка пьян.

Сцена 10

— Том, прекрати сейчас же! — в разговор вмешалась Марта.

— Нет, нет, — Том успокаивающе поднял руки. — Никаких драк! Как ты могла подумать?! Я предлагаю господину умнику выпить.

Счет, который затих с окончанием танца, вновь подал признаки жизни. «Один, два, три...», но звучал как-то робко, словно тот, кто отсчитывал в голове Вальтера цифры, сомневался, стоит ли ввязываться в соревнование «кто кого перепьет». А именно это и предложил Том.

Вальтер самому не нравилось то, что предложил начальник аналитиков. Он предпочел бы сидеть за стойкой бара. Марта пила бы свою шипучку, он — пиво, а между ними был бы приятный разговор. Но, во-первых, Беккер не знал, о чем говорить с девушкой. Она, наверняка, после танца ожидала от него чего-то особенного, но в его голове было пусто. Он мог бы выдать только «да» или «нет». Все бы закончилось тем, что в конце концов Марта сказала бы ему что-то вроде «спасибо за танец» и вернулась бы к своим друзьям. Нет, лучше, если он уйдет первым. Будет не так обидно. К тому же повод имелся.

— Я не против, — сказал Вальтер, глядя прямо в глаза Тома. Это в офисе он был начальником важного отдела, а тут... просто один из посетителей бара.

Правила поединка были просты. Перед Вальтером и Томом выставили по десять стаканчиков, в которые обычно наливали крепкие напитки. Бармен должен был наливать в них виски, а соревнующиеся — опрокидывать их в себя, не торопясь, по очереди. Если десяти стаканчиков оказалось бы мало, то бармен добавил бы новые. Проигравшим в этой «битве» становился тот, кто первым показал бы признаки опьянения: свалился бы со стула, перевернул бы стаканчик или, не дай бог, его желудок вывернулся бы наружу. И да, за всю выпивку должен был заплатить именно проигравший.

Вокруг них собралось много народа. Вечер для посетителей бара явно выдался удачным.

— Вперед, — скомандовал бармен и разлил участникам поединка по первому стаканчику.

Вальтер выпил свой залпом. Виски обожгло горло, голова затуманилась. Последний раз он пил виски три года назад, когда бывшая жена под очередным предлогом отказала ему в свидании с дочерью. В тот вечер он основательно напился. А еще ему пришлось отвечать на звонок Элен. Она словно предвидела действия своего бывшего мужа.

— Я так и знала, — сказала она. — Все, на что ты способен, — это напиться.

С тех пор Вальтер пил только пиво, да и то редко. Компании у него не было. А пиво в одиночестве — только лишние расходы.

Выпили по второй. Снова огонь в горле, а глаза наполнились слезами. Хорошо, что окружающая толпа ничего не заметила и не сочла слезы признаком проигрыша.

По всему получалось, что Беккер должен проиграть. Но неожиданно счет в его голове стал громче, а цифры стали отсчитываться четко и ясно. И словно вслед за цифрами в голове Вальтера прояснилось.

Выпили третью, потом четвертую. Беккер заметил, что Том «поплыл». Это и понятно. Вальтер за весь вечер в баре не успел выпить даже бутылки пива, Том же явно не обошел стороной крепкие напитки. Но поединок заварил не Вальтер, а потому начальника-задиру ему было не жаль.

Пятая, шестая, седьмая...

Виски лилось в Вальтера, как вода. Он не замечал никакого опьянения. Отсчет в голове дошел до шестидесяти, что-то щелкнуло, и он понял, что сейчас выиграет.

Они опрокинули в себя по восьмому стаканчику виски. Бармен собрался было налить девятый, но Том, словно в замедленном фильме, опустил руку со стаканчиком на стойку бара. Вернее, хотел это сделать, но промахнулся. Стаканчик полетел на пол. К тому же, потеряв

опору, Том соскользнул с высокого барного стула и обязательно грохнулся бы на пол вслед за стаканчиком, если бы его не поддержали окружающие болельщики.

Вокруг начался гомон. Кто-то хлопал Вальтера по плечу, кто-то успокаивал Тома. Но потом шум вокруг стих. Вернее, Беккер перестал его слышать. Осталась лишь звенящая тишина.

«Пора убираться отсюда», — решил Вальтер. Сегодня он основательно набрался, и вечер мог закончиться чем угодно. И это «чем угодно» могло потом боком выйти ему на работе. Ведь вокруг было полно сотрудников банка.

Неуверенным шагом он двинулся на выход. На улице его кто-то подхватил под руку.

— Я не отпущу тебя одного, — это была Марта. — И ни на что не рассчитывай. Просто я понимаю, что Том привязался к тебе из-за меня. Всю неделю ко мне подкатывал. А мне такие не нравятся.

Сцена 11

В это утро Фрэнк Кавендиш, старший вице-президент корпорации «Сигма», никуда не спешил, а, наоборот, ждал всех в своем кабинете. Первым пришел Сэм, начальник отдела мониторинга, затем подтянулись Джо Андерсен, начальник отдела новых разработок, и Хирам Каплан, главный специалист этого отдела. Андерсен был молод, а вот Каплан уже разменял шестой десяток. Но оба были одинаково воодушевлены случившимся. Еще бы! Удалось, пусть и случайно, провести полевые испытания «Еды № 72» на обычном человеке. То, что этот человек семь месяцев принимал «Еду № 3», можно было не принимать во внимание. Низкоуровневая еда мало чем отличалась от хороших витаминов.

Когда все собрались, хозяин кабинета не стал тянуть.

— Докладывай, — бросил он Сэму.

— Наблюдение за объектом, который несанкционированно принял «Еду № 72», началось в 10:30...

— К сути, — перебил Кавендиш. — Резюме и выводы.

Сэм слегка поморщился, но продолжил:

— Ну, в общем, наблюдение показало некоторые отклонения Тройки от стандартного поведения. Более точно сказать трудно. Слишком мало пока фактов, а о прошлом поведении Тройки известно только со слов сторонних лиц. Но главное: объект остался жизнеспособным. Мониторинг наночастиц показывает, что его организм функционирует нормально. Только...

Сэм сделал паузу, словно ждал вопросов, а потом продолжил:

— Мониторинг объекта ведется не полностью. От наночастиц идет сигнал, который показывает, что они в активном состоянии, но никакой другой информации не приходит.

— Это невозможно, — Каплан скрипучим голосом перебил Сэма.

Наночастицы были его разработкой. Ему неприятно было слышать, что они работают как-то не так.

— Частицы либо активны и способны присылать информацию в полном объеме, либо не активны, и тогда никакого сигнала не будет.

Сэм только развел руками. Он знал, что спорить с этим стариком бесполезно.

— Хорошо бы изучить объект поближе, — проговорил Андерсен. Несмотря на молодость, он был опытный управленец и понимал, что склоки между отделами никому не пойдут на пользу.

— Хотите разобрать Тройку по косточкам? — улыбнулся вице-президент.

— Нет, нет... — ответил Андерсен. — Но если вы настаиваете...

— Это была шутка, — сказал Кавендиш. — Пока только стороннее наблюдение. Есть какие-нибудь предположения о причинах такого поведения наночастиц?

Все посмотрели на Сэма.

— Ну, — с кислой миной начал тот. — Вчера вечером объект много выпил.

Каплан только хмыкнул, услышав эту информацию.

— А почему объект вообще жив? — Кавендиш задал вопрос, который беспокоил всех, но никто не хотел произносить его вслух.

Теперь уже пришлось отдуваться отделу разработок.

Каплан посмотрел на Андерсена, тот кивнул: мол, давай, я не возражаю.

— Наверное, какие-то особенности Тройки плюс он все-таки семь месяцев принимал третий номер. А у семьдесят второй и низкоуровневой еды один и тот же ингибитор, — произнес Каплан и тут же добавил, чтобы избежать обвинений в поспешности выводов: — Но, как мы уже говорили, необходимо более тщательное изучение объекта.

— Понятно, — кивнул Кавендиш. — Хотя на самом деле ничего не понятно. А что семьдесят второй? Как он отреагировал на замену?

— Там все норм, — ответил Сэм. — Проспал весь день. Наблюдатель в его окружении докладывает, что этот объект списал свою сонливость на пониженное давление и дождливую погоду.

— Повезло, — отреагировал большой начальник. — Какие действия будем принимать, чтобы не допустить подобного в дальнейшем? Организуем свою доставку?

Отвечать на этот вопрос желающих не было. Доставка была узким местом. Там работали дешевые, а потому низкопрофессиональные сотрудники. Заменять их спецами типа фельдегерей не хотелось. Это бы привлекло внимание конкурентов. Те бы в два счета вычислили всех клиентов «Сигмы».

— Думаю, лучше ничего не предпринимать, — наконец сказал Сэм. Организация доставки не входила в функции отдела мониторинга, поэтому за высказанное предложение он в любом случае не несет ответственности.

— Аргументируй, — потребовал Кавендиш.

— Если повторится ошибка, всегда можно списать ее на плохую работу сторонней доставки.

Присутствующие заулыбались. Аргумент показался одновременно и забавным, и веселым.

— Хорошо, — сказал Кавендиш. — Наблюдение за Тройкой — круглосуточное. Выявим аномалии в поведении, тогда решим, как проводить более тщательное исследование.

— Вам, — он повернулся в сторону Андерсена и Каплана, — продумать, как наночастицы могли остаться активными, но ограничить передачу информации.

Каплан кивнул за себя и за своего начальника. Он любил свое детище и к наночастицам относился как к разумным существам. Если его детки остались активны, но прекратили передачу разносторонней информации об объекте, это могло означать только одно. Они встроились в организм этой Тройки и теперь считали ее своим домом. А о своем доме посторонним не принято распространяться.

Сцена 12

Вальтер Беккер проснулся от запаха омлета. Кто-то хозяйничал на его кухоньке. Он попытался встать, но голова отреагировала на резкое движение болью. Пришлось ограничиться сидячим положением. Спал Вальтер в одежде, что было неудивительно. Он прекрасно помнил, что вчера выпил лишнего. Удивительным было то, что он снял туфли и пиджак. Или это сделал не он?

Квартира Беккера была небольшой, но все-таки в ней имелись отдельные спальня и столовая, совмещенная с маленькой кухней. В столовой стоял диван, на котором и сидел сейчас Вальтер, а на кухоньке кто-то готовил омлет. Беккер слегка повернул голову. За плитой хозяйничала Марта. На ней был старый, но чистый спортивный костюм Вальтера. Ведь с бегом он так и не подружился.

Задаваться вопросом, было ли что-то между ним и Мартой, Вальтер не стал. Он знал, что ничего не было и быть не могло. Беккер хорошо помнил слова девушки перед посадкой в такси: ни на что не рассчитывай. Но вот что было после этого — непонятно. В голове на месте воспоминаний о приезде домой и последующих событиях зиял черный провал.

— А, проснулся! — Марта заметила смотрящего в ее сторону Вальтера. — Присоединяйся, сейчас будем завтракать.

Беккер не стал возражать. Болела голова, временами подкатывала тошнота. А еще присутствовало несмелое чувство радости от того, что на его кухне симпатичная девушка готовит омлет.

— Я только кофе, если можно, — сказал Вальтер.

— Конечно, конечно, сэр, — усмехнулась девушка. — Все, что пожелаете.

Скоро Беккер получил кружку кофе, сделал глоток. Сильно лучше ему не стало, но на душе стало еще теплее. Ему приготовили не только омлет, но и кофе.

— А ты...? — начал он. Спрашивать, как здесь оказалась девушка, было бы грубо, а почему та осталась — невежливо. Поэтому Вальтер не стал продолжать фразу.

— Ну, ты же меня не смог бы проводить, — улыбнулась Марта. Она прекрасно поняла недосказанное. — На улице ночь, а твой район не из самых безопасных.

— Понятно, — Вальтер снова глотнул кофе.

— Послушай, — сказала Марта. Она с аппетитом жевала омлет и внимательно смотрела на Беккера. — А тут огляделась... как-то квартирка не похожа на своего хозяина. Почему так? «Вернее, на его вчерашний день», — Вальтер мысленно поправил Марту.

Действительно, бондиана в офисе, танго в баре, соревнование с Томом — это было совершенно не похоже на поведение прежнего Вальтера.

«Прежнего?» — Беккер ухватился за словечко из своих размышлений и задумался.

Он явственно ощущал в себе какие-то перемены. Что произошло, он объяснить не мог. Подействовала «Еда № 3»? Но до окончания курса оставалось еще пять месяцев, так что вряд ли. Что тогда? В чем причины того, что прежний Вальтер остался где-то в прошлом, а за столом с приятной во всех отношениях девушкой сидел совершенно новый человек?

— Понимаешь, — начал он. — Это квартира моего брата. Мы были близнецами. Он недавно умер...

— О, мне жаль! — тут же отреагировала Марта.

— Ничего, — вновь соврал Вальтер. — Уже отболело. Мы с ним были разными людьми, а я так и не собрался все это поменять.

Беккер мотнул головой в сторону спальни, но имел в виду всю квартиру.

— Понятно, — вытягивая слюги, сказала Марта.

Вальтер видел, что она не поверила ему, но другого объяснения у него для нее просто не было.

Сцена 13

К концу смены курьер Алекс порядочно вымотался. Дождь, сложные заказы по доставке, а еще эти внутренние переживания по поводу своей ошибки с доставкой Еды. После полудня он покрутил педали еще пару часов, а потом решил, что всех денег не заработаешь, и нажал на планшете иконку «Конец смены».

Проходя мимо Эльзы, которая гордо сидела на месте дневного диспетчера, он старался не смотреть в ее сторону. Уставший, мокрый, с бледным лицом... Вряд ли такой персонаж может привлечь внимание этой девушки. И напрасно...

Когда Эльза увидела идущего в раздевалку Алекса, он напомнил ей почти забытую картинку из детства: выпавший из гнезда воробушек. С мокрыми перышками, смешно разевающий свой клювик. Почти точная копия того, как выглядел сейчас Алекс. Не то что расфуфыренный боевой петушок, которым курьер хотел казаться в начале смены.

«С таким воробушком-птенчиком можно и замутить», — подумала Эльза.

Никаких серьезных отношений с Алексом она не собиралась заводить. Одно дело просто поиграться с воробушком и совсем другое — взять на себя ответственность вырастить из него взрослую особь. Кстати, Эльза совершенно не помнила, куда девался тот воробушек из ее воспоминаний.

«Решено, — сказала себе девушка. — В следующий раз улыбнусь ему пару раз».

Ни Эльза, а тем более ни Алекс не могли предположить, во что могут обернуться эти несколько улыбок и какие пакетики с Едой в следующий раз может перепутать окрыленный девичьим вниманием курьер.

Пять причин лежать в постели и не вставать

Сделка во сне

Никогда не понимал поговорку «Сдал сопромат, можно жениться». Типа предмет «Сопротивление материалов» — такое же сложное дело, как и женитьба. Так я размышлял, работая над курсовой работой по этому предмету. Вообще, все эти курсовые — это технология. Если знаешь технологию, то все остальное сводится к арифметике. Так получилось и с курсовой по «великому и ужасному» сопромату. Технологию, то есть как все сделать, в двух словах подсказал мне Колька по телефону, а арифметику я знаю неплохо. Пришлось, конечно, посидеть, но к полуночи курсовая была готова. Только вот сопромат все же оказался подлым созданием. Когда я проверял этот злосчастный курсовик, то понял, что сделал не свой вариант.

— Ну, может быть, так сойдет? — воскликнул я, обращаясь непонятно к кому.

— Сынок, у тебя все в порядке?

Мой вопль оказался достаточно громким, и мама услышала меня из своей комнаты. Жили мы с ней в двушке. Раньше это была хрущевка с двумя проходными комнатами, но отец сделал коридор. Первая комната в результате слегка потеряла в площади, но зато стала не проходной. В ней я сейчас и возопил.

— Все в порядке, мама, — крикнул я и вздохнул.

Соваться к преподу не со своим вариантом? Нет, не прокатит. Сочтет за неуважение, а это хуже, чем незнание.

Я покряхтел, поохал и взялся за новый вариант. Нет, как его сделать, все было ясно и понятно, но время, время... Просидел до двух, потом, плюнув на чистку зубов, забрался в постель. Засыпая, слышал, как мама стучит табуреткой. Наверное, идет в туалет. И вот что обидно! Купил же ей нормальные алюминиевые ходики, такую конструкцию с опорой на четыре точки, но все зря. Мама предпочитала пользоваться табуреткой.

— Сынок, мне так удобнее, — утверждала она.

Колени у нее большие. Без опоры ходить не может. А так обопрется на табуретку, потом короткий упор на ноги, табуретку — вперед, снова упор на это создание из старого кухонного гардероба, который когда-то по блату раздобыл отец, опять на ноги — так и передвигается.

Так, размышляя о лже-преимуществах табуретки перед крепкой алюминиевой конструкцией, которая наверняка была рассчитана по всем правилам сопромата, я заснул.

А сон приснился необычный. Во сне мне явилось некое удивительное создание. Облик его описать трудно, так как он постоянно менялся. Словно взяли тысячу, а может быть и больше, людей разных полов и возрастов и стали их перебирать. Оттого передо мной на долю секунды появлялся облик одного человека, но запомнить его не было никакой возможности, поскольку он тут же исчезал, а на его место, на те же доли секунды, появлялся другой облик. И так без остановки. Мужчины, женщины, дети, старики. Высокие, низкие, худые и толстые мелькали у меня перед глазами. Получалось некое смазанное пятно из человеческих лиц и фигур.

— Привет, — сказала это пятно. — Я демон.

— А ты не можешь, — спросил я, — как-то сфокусировать изображение? Глазам больно. Удивления не было. Мне еще и не такие сны видеть приходилось.

— Так ты же спишь, — резонно возразил мой ночной пришелец. — Какие глаза?

«И то правда. Туплю», — подумал я, и сразу мелькание лиц, сливавшееся в размазанное пятно, перестало раздражать.

— Чего хотел? — поинтересовался я, а сам подумал, что сопромат доведет меня до психушки.

Демон хмыкнул. Этот гад, по всей видимости, мог читать мои мысли.

— Сделку предложить хочу, — сказала мое ночное воображение.

— Давай, — я мысленно махнул рукой, — излагай, а то, наверное, просыпаться скоро. Что за сделка?

— Я поселяюсь в твоём теле, — сказал демон. — А взамен твоя мама выздоровеет.

Мне стало все ясно и понятно. Засыпая, я услышал, как мама с больными коленями добирается до туалета. Это задало направление движения моему подсознанию, и оно теперь разворачивает передо мной театрализованное представление «Как помочь маме?»

«А что? Я не против», — подумал я.

Только стало немного обидно, что, как только утро разгонит сон, все останется как раньше. Мама с больными коленями, расшатанная табуретка и бесполезные ходики в чулане.

«Надо бы эти ходики продать, купить уголки в хозмаге и укрепить ножки табуретки», — подумал я, а вслух спросил: — Поселить в теле? Надолго?

— Навсегда, — ничуть не смущаясь, ответил демон.

— На год, — решил поторговаться я.

— Нет.

— На два.

— Нет.

«Вот же гад», — подумал я, а потом мне стало стыдно. Это ведь сон, а я еще и торгуюсь.

— Хорошо, — согласился я. — Где подписать кровью?

— Ничего подписывать не нужно, — ответил ночной гость, и мне показалось, что на его многоликом и постоянно меняющемся изображении появилась улыбка. — Достаточно твоего согласия. Повторяй за мной. Я Александр Мышкин...

— Я Александр Мышкин согласен, что мое тело станет сосудом любезнейшего и умнейшего Гран-Зен-О-Вин-дама на всю жизнь, а любезнейший и умнейший Гран-Зен-О-Вин-дам..., — начал я повторять за демоном.

— Вылечит колени...

— Не колени, а обеспечит полное выздоровление..., — я перебил этого умнейшего Грана, как его там дальше.

— Мы не..., — начал демон, но я его прервал.

— Мы — во сне. Не торгуйся!

— Ладно, — согласился демон, и мы вместе дочитали клятву до конца.

Чем хороша устная клятва? Никаких дополнений мелким шрифтом! Я согласился стать сосудом для этого любезнейшего Грана, а он обязался вернуть здоровье моей маме на веки вечные. «Веки вечные» — это снова мое своеволие, но на которое демон все же согласился. Как видно, и правда приближалось утро, и мой ночной гость, который наверняка развеется вместе со сном, торопился закончить сделку. Так и получилось.

Лишь только я собрался немного подремать после заключения сделки, как почувствовал, что кто-то трясет меня за плечо.

— Сынок, вставай, — это была мама. — Ты уже два раза отключал свой будильник.

«Два раза?» — удивился я, все еще не открывая глаза.

Будильник я ставлю на телефоне. Но я не помнил, как я его отключал. Тем более два раза.

Я наконец открыл глаза. Мама перестала меня трясти. Она стояла рядом с кроватью и улыбалась. Что-то в ее облике мне показалось странным.

«Блин! — воскликнул я про себя. — Табуретка!»

— Мама, где твоя табуретка?! — уже вслух произнес я.

Первое искушение

— Представляешь, сынок, — улыбаясь, сказала мама. — Я сама в шоке.

И она рассказала, как проснулась утром и машинально встала с постели, а потом дико испугалась этого. Ее должен был пробить сильный болевой удар. Ее коленные суставы были почти разрушены и сильно воспалены. Даже кратковременный упор на них приносил сильную боль, а тут вскочить на ноги, выпрямиться... В общем, мама тут же рухнула на кровать, но ничего не почувствовала. Никакой боли. Она осторожно повторила движение, уже теперь используя свою верную табуретку. Ничего, даже намеков боли не было. Потом она посмотрела на часы и бросилась будить меня. Как я понимаю, ей хотелось не только вовремя отправить сына в институт, но и похвастаться своим выздоровлением.

— Я еще, — добавила мама в конце рассказа, — у меня совершенно нет отдышки и такое чувство, что сбросила пяток килограмм.

— Это здорово, мама, — согласился я, и лоб у меня покрылся холодным потом. «Сон, это же был просто сон».

— Совсем нет, — сказал демон внутри меня.

Его изображение по-прежнему оставалось одновременно многоликим и размазанным, но я на это уже не обращал внимания.

— Я сейчас пойду в поликлинику, — заявила мама. — Пройду диспансеризацию. Хочу убедиться, что не сплю.

Мама засмеялась и пошла собираться в дорогу.

«Здорово, что мама смеется, — подумал я. — А что будет со мной?»

Но неожиданно мои мысли потекли в совершенно другую сторону. Диспансеризация. Я представил нашу поликлинику. Старое здание, коридоры, выкрашенные зеленой краской, люди, сидящие на диванчиках у кабинетов врачей... У одного из них, высокого парня, был красный, опухший нос. Видимо, ранее он часто пытался высморкаться, а потому тер нос платком, вот он и покраснел. Ничего серьезного. Врач выпишет ему больничное, парень пошпикает в нос каким-нибудь лечебным спреем и скоро выздоровеет. Но зачем меня так разочаровывать? Я пройду мимо и незаметно коснусь его плеча. И дело сделано! В его носовых пазухах резко начнут размножаться злостные бактерии, слизь из белой превратится сначала в зеленую, а потом в бурую. Эта слизь забьет все проходы. Дышать носом не будет никакой возможности, а слизь, так ее растак, найдет проход в мозг парня. Воспаление, сепсис и смерть. Как же хорошо! Какое наслаждение!

Я несколько мгновений пребывал в сладостном тумане, а потом одернул себя.

— Блин, что еще за бред?! — вслух воскликнул я.

Никогда раньше не замечал, чтобы мне были приятны чужие страдания.

«Да тут не „приятность“, а полное наслаждение!» — поправил я себя. — Что произошло со мной?

И тут же пришла догадка.

— Это все ты, демон? — вслух сказал я, хотя, наверное, можно было просто подумать эту мысль.

— Ага, — мысленно ответил тот. — Разве не прелесть?! А еще при воспалении в мозге — дикая боль. Вот помучается парнишка! Давай быстрее вставай и проводи маму в поликлинику. Пока она там будет проходить эту вашу диспансеризацию, я немного порезвлюсь.

Я затормозил. Слишком много всего и сразу обрушилось на мою голову. Сон-не-сон, мамино выздоровление, демон внутри меня, жаждущий чужих страданий...

— Подожди, подожди..., — мысленно забормотал я. — Ты что? Получаешь удовольствие от чужих страданий? Ты можешь усилить болезнь этого парня?

— На первый вопрос — да. На второй вопрос — тоже да, — ничуть не смущаясь, ответил демон. — И вообще, что за разговоры? Ты должен был потерять свободу воли и молчать в тряпочку.

Демон все это произнес таким слащавым и самодовольным тоном, что я вскипел.

— Что? Молчать? — воскликнул я. — Хрен тебе! Понял? И парню этому ты ничего не сделаешь!

— Как это не сделаю? — удивился демон, а степень слащавости в его голосе пошла на убыль. — Давай сейчас же вставай и дуй в поликлинику. Ты обещал!

— Не было такого! — отрезал я. — Я все помню. Тебе — сосуд, мне — выздоровление мамы.

— Что ж ты тогда выступаешь? Сосуды не выступают! — возмутился ночной гость, обосновавшийся внутри меня.

— Где это записано? Кто это сказал? — с каждой минутой я чувствовал, что мой голос, хоть он и звучал внутри меня и был слышен только демону, становился все увереннее. — Не договаривались об этом.

— Но это подразумевалось! — не сдавался пришелец. — Я на это рассчитывал.

— А я рассчитывал, что утром ты исчезнешь! — возразил ему я и с издевкой спросил: — Исчезнешь?

Демон не ответил. Возникла пауза. Наш спор явно закончился в мою пользу, но что дальше? Моя голова словно наполнилась туманом, горячим туманом. Мысли путались, и, если я победил в споре с демоном, то только за счет эмоционального взрыва. Так у меня бывало в детстве. Столкнешься в уличной драке с противником сильнее тебя, бросишься в атаку, махая всеми конечностями и нанося удары куда попало, но этот всплеск быстро проходит. Если противника не пугал мой первоначальный напор, то мне приходилось потом непросто, доставалось и по голове, и по туловищу.

В возникшей тишине я слышал, как мама возится на кухне.

— Кашу я сварила, — крикнула она с кухни. — Стоит на плите.

— Проводил бы маму, — в голосе демона уже не осталось слащавости.

— Нет, — отрезал я.

Что-то еще говорить и возмущаться уже не было сил. Туман в голове постепенно рассеивался, и пришло понимание того, как я могу сопротивляться демону и его желаниям испортить жизнь людям. Требовалось лежать, просто лежать, не вставая с постели.

В комнату зашла мама.

— Ты до сих пор не встал?!

— Мам, мне сегодня ко второй паре, — придумал я отмазку. — Полежу немного.

— Ну ладно, — мой ответ успокоил маму. — Тогда я пошла.

Я смотрел на уходящую маму. Это было странно и так здорово. Ее походка стала такой легкой. Но за все в этой жизни надо платить. Мама пошла, а я останусь лежать в постели.

И тут в моей голове раздался дикий вой.

— Мы так не договаривались! — заорал демон, но мне было плевать.

Испытание стыдом

Прошел час, а может, два. Дверной замок щелкнул, и в квартиру влетел мамин голос, легкий и звенящий, какого я не слышал много лет.

— Сынок, ты не поверишь! — она появилась на пороге комнаты, снимая пальто, и глаза ее сияли. — Врачи в шоке! Терапевт щупала-щупала, а потом выдала: «Суставы, как у двадцатилетней». А кардиолог снял ЭКГ и аж очки протер! Говорит, сердце работает как часы. Я им про чудо рассказываю, а они только головами качают!

Я лежал, уткнувшись взглядом в потолок, и пытался выдавить из себя что-то радостное. Получилось лишь мычание. Радость мамы была таким ярким и хрупким воздушным шаром. Мне казалось, что я своей какой-нибудь неловкой фразой могу его разрушить.

— Сынок, а ты чего все лежишь? — ее голос дрогнул, наконец-то заметив неестественность картины.

Мозг, разогнанный адреналином и страхом, выдал на-гора спасительную ложь.

— Да встать не могу, мам... Кажется, заболел. Температура, кажется.

«Кажется» — ключевое слово для лжеца. Оно оставляет лазейку.

Мама тут же забыла о своем триумфе. Ее лицо осунулось, и она, недолго думая, позвонила в регистратуру поликлиники. Пока мы ждали, меня скрутила новая напасть — дикий, животный позыв к мочеиспусканию. Тело требовало встать, но каждая клеточка вопила: «Нет!» Я боялся, что стоит мне лишь оторвать пятую точку от матраса, как демон, словно вирус, получит доступ к моей двигательной системе.

Пришлось шепотом, испытывая жгучий стыд, попросить маму о тазике. Она принесла старый эмалированный, с облупившимися краями. Процесс оказался унижительным до слез. Даже закрыв глаза, я чувствовал, как горит все мое лицо. Я взрослый мужчина, а моя мама...

Участковый, женщина в возрасте с усталыми глазами, оказалась не болтливой. Помяла мне живот, послушала, давление померила.

— Давление в норме, — констатировала она. — Мышцы в тонусе.

Потом достала одноразовую иглу от шприца. — Сейчас рефлексy проверим. Не бойтесь.

Я не боялся. Я был напряжен как струна. И в этот момент я услышал, словно за стеной, неразборчивый шепот. Я сосредоточился, и шепот сложился в ясную, скучающую мысль: «Ипотека, черт возьми... Очередной симулянт, маменькин сыночек. Надоели они все...»

Это были мысли врача. Демон поделился со мной своими способностями?

Врач легонько кольнула меня в мышцу икры. Та рефлекторно дернулась.

— Видите, — показала она маме, — все в порядке. Нервная система работает.

А потом, когда мама на секунду отвернулась, чтобы поправить занавеску, рука врача снова ткнула иглой в ту же мышцу. Но на этот раз — сильно, глубоко, с настоящей яростью. Боль была острой и жгучей. Я чуть не вскрикнул, машинально дернувшись и оттолкнув ее руку.

«Получай, лежебока, — прожужжал в голове сладостный голос демона. — Небольшая компенсация за мои мытарства».

Это он. Это демон заставил врачиху сделать это.

И тут я заметил другую деталь. Врач, заходя, слегка покашливала — сухое, ничего не значащее «кхэ-кхэ», будто поперхнулась. А сейчас, после того как я оттолкнул ее руку, то есть коснулся врача, ее кашель изменился. Он стал глубже, влажнее, из горла вырывался с хрипотцой. Еще не тот удушающий кашель, что разрывает легкие, но уже и не безобидное покашливание.

В голове тут же всплыла картинка: поликлиника, парень с красным носом... мое мимолетное прикосновение к его плечу... и стремительное, гнойное воспаление.

Ледяная волна прокатилась по моей спине. Так вот как это работает! Направленное касание. Я — проводник, а демон — «ток высокого напряжения», убивающий все живое. Я, сам того не желая, только что усугубил простуду докторши. Возможно, до бронхита. А может, и до воспаления легких.

Внутри меня, словно масляная лужа, растеклось липкое, довольное тепло. Демон наслаждался. Моим открытием. Моим ужасом. Моим чувством вины перед этим равнодушным, но ни в чем не виноватым врачом.

«Никогда, — поклялся я себе, сжимая кулаки под одеялом. — Никогда больше не прикоснусь ни к кому».

А еще я надеялся, что врач — человек не простой, она знает, как лечиться, и справится.

Докторша ушла, выписав успокоительное и порекомендовав «проконсультироваться с психиатром онлайн». Дверь закрылась, и я остался наедине с тишиной и нарастающим ужасом. Лежать и ничего не делать стало невыносимо. Мысли ходили по кругу, как белка в колесе, наматывая на ось новую порцию паники.

Мама вернулась с тарелкой каши. Она села на краешек кровати и начала кормить меня с ложки, как в детстве. Каждая ложка была комом стыда. Потом снова пришел черед тазика, но на этот раз — для нужды куда более серьезной. Я лежал, уставившись в потолок, пытаюсь отключиться, пока происходило это немыслимое унижение. Потом мама перевернула меня на бок, и я почувствовал теплое влажное полотенце. А еще мама заплакала. Я слышал ее всхлипывания, но ничего не мог поделать.

— Лучше бы я... лучше бы я так и ходила с табуреткой..., — всхлипывала она, вытирая меня. — Лишь бы ты был здоров...

А внутри меня, в самой глубине чужого сознания, что-то ликовало. Я чувствовал это — тонкую, ядовитую струйку чужого удовольствия. Демон наслаждался. Не моим унижением, нет. Его манила агония матери, ее слезы, ее бессилие. Это стало его крошечной победой, первой ласточкой. Он надеялся, что пресс стыда, жалости и отчаяния в конце концов сломает меня. Заставит встать. И тогда его пир начнется по-настоящему.

К вечеру я оказался морально опустошен. Мир сузился до кровати, тазика и маминых заплаканных глаз. Когда она принесла таблетку седативного, я послушно проглотил ее. Бегство в сон казалось единственным спасением. Пусть ненадолго. Пусть это иллюзия. Я закрыл глаза, жадно ловя первые признаки забытья, надеясь, что в мире снов демон бессилён. Хотя я уже почти не верил в это.

Тихое отчаяние

Следующие несколько дней растворились в вязком, лекарственном забытье. Седативные таблетки делали свое дело: притупляли остроту происходящего, превращая реальность в размытую акварель. Я понемногу смирился с кормлением с ложечки, с унижительным эмалированным тазиком, с подмываниями, которые производила мама. Ее пальцы были холодными и дрожали, но я уже почти не ощущал стыда. Апатия оказалась надежной защитой против этого чувства.

Единственным, кто не давал мне полностью утонуть в этом оцепенении, был мой внутренний сожитель. Демон не дремал.

— Как маленький! Ням-ням с ложечки! — раздавался в голове елейный, хихикающий голос, когда мама подносила к моему рту ложку с кашей. — Скажи ей, чтобы разжевала сначала. Или в блендере перемолола для удобства.

На его подначки я не реагировал, молчал.

— Слушай, я тут подумал, — демон перешел на доверительный шепот, словно делился гениальной идеей. — Эта возня с тазиком — полный отстой. Негигиенично. Скажи маме, пусть купит памперсы. Сейчас какие угодно есть: и детские, и взрослые. Будешь ходить под себя, как современный человек. Удобно же!

От этих слов внутри меня все сжималось в тугий комок, но я не подавал вида. Продолжал молчать. Эти подначки походили на зуд назойливого комара — неприятно, но не смертельно.

Время от времени демон, не добившись реакции, менял тактику. Хихиканье сменялось холодной, почти философской риторикой.

— Ты что, возомнил себя спасителем мира? — в один из дней спросил он, и в его голосе в тот момент зазвучало искреннее, издевательское непонимание. — Думаешь, своим лежанием на матрасе ты всех спасешь? Смешно. Не получится.

Я молчал и рассматривал трещинки на потолке, которые при известной доле воображения можно было принять за карту неведомой страны.

— А что ты, собственно, обо мне знаешь? — продолжил демон, и его голос приобрел задумчивые тона. — Может, я — «санитар леса»? Ты такое понятие слышал? Слабых, больных — под корень. Я лишь ускоряю естественный процесс. Может, эти люди и должны умереть, а ты своей глупой жалостью лишь продлеваешь их агонию?

Демон много чего еще мне наговорил за эти дни, но с какого-то момента его слова перестали меня расстраивать. Наоборот, я даже воспрял духом. Реплики демона являлись лучшим доказательством правильности моих действий. Если у моего внутреннего обитателя нет других рычагов, кроме словесных возлияний, если он так отчаянно пытается вывести меня из равновесия, заставить встать, — значит, у него нет прямого контроля над моим телом. Значит, мой план — лежать — работал. Его слова были не угрозами могущественного владыки, а воплями бессилия заключенного, который трясет решетку собственной клетки.

С этим знанием жить становилось проще. На подначки я не отвечал. От накатывающих время от времени приступов собственного отчаяния помогали выписанные таблетки супрастина. Лекарство погружало меня в безмятежный сон без снов. Я привык к тазику, к ложке, к апатии. Супрастин делал меня вялым, отстраненным, вымывая из меня не только тревогу, но и саму жизнь. Так и прошли два дня — в серой, безвкусной прострации.

Из этого дурмана меня вырвал настойчивый трезвон телефона. Я медленно повернул голову в сторону его экрана. Звонил Колька.

— Мышкин, ты где пропадаешь? — послышался знакомый, полный энергии голос. — На паре сегодня препод твою фамилию выкрикивал, а тебя нет как нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.